

УДК 811.16'373.211

Отапеллятивная урбанонимия славян и национально-культурные различия социумов

Никитина Ю.Л.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

Применение лингвокультурологического подхода в лингвистике дает возможность рассматривать представления людей об окружающей действительности в виде кодов культуры, одним из способов языковой реализации которых являются собственные имена внутригородских объектов.

Настоящая статья посвящена проблеме сопоставительного изучения урбанонимных текстов славянских стран. Предпринятый автором анализ названий, отражающих особенности внутригородского объекта по связи с человеком как социосубъектом, позволил выявить особенности их функционирования на современном этапе как языковых знаков, являющихся памятниками истории и культуры славянских социумов.

Группы лексем, формирующие отапеллятивные урбанонимы, в целом универсальны, однако доля их участия в урбанонимной системе каждой страны в отдельности не совпадает. Качественные и количественные расхождения в использовании нарицательных слов определенной семантики при создании урбанонимов обусловлены языковыми и национально-культурными различиями социумов.

Ключевые слова: лингвокультурология, урбаноним, славянская урбанонимия, апеллатив, код культуры.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 168–176)

Common Slavonic urbanonimy and national and cultural social group differences

Nikitina Y.L.

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk*

The use of the linguistic and cultural method in linguistics gives the opportunity to study people's ideas of the reality around them in the form of cultural codes, one of the ways of implementation of which is proper names of internal urban objects.

The article is devoted to the problem of the comparative analysis of the study of Slavonic countries' urbanonimic texts. The analysis of the names that reflect the peculiar features of an internal urban object in its connection with a human as a social being has revealed the peculiar traits of their functioning as the linguistic signs which are historic and cultural monuments to Slavonic societies nowadays.

The groups of the lexemes forming common urban names are generally universal, but the portion of their participation in the urbanonimical system of each country isn't in close agreement. Qualitative and quantitative divergence in the use of common words of certain semantics in the creation of the urban names is caused by the language national and cultural differences in societies.

Key words: linguistic and cultural studies, urban name, Slavonic urbanonimy, common name, cultural code.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 168–176)

Формирование урбанонимов – это процесс с ярко выраженной социальной тенденцией: все внутригородские объекты составляют особую категорию, выделяющуюся на основе их функций в жизни общества по деловому, хозяйственному, культурному, идеологическому и другим назначениям. Лексика, используемая при

Адрес для корреспонденции: e-mail: Julia_Nikitina09@mail.ru – Ю.Л. Никитина

номинации внутригородских объектов, достаточно разнообразна. Для того чтобы определить причины, по которым в разных странах при формировании урбанонимов люди обращаются к тем или иным лексемам, необходимо понять историко-культурный код конкретного народа.

В настоящее время исследование городских топонимов ведется на новом уровне, который позволяет описать один из аспектов взаимодействия языка и культуры, а конкретно то, каким образом лексическая система языка отражает потребности, интересы и характеристики поведения человека как носителя определенной культуры [1, с. 59].

Осуществляя сравнительно-сопоставительное описание восточно-, западно- и южнославянских систем внутригородских наименований, нужно иметь в виду, что через призму конкретной урбанонимной системы преломляется окружающий мир, отражается своеобразие восприятия и осмысления человеком действительности, проявляются специфические черты ментальности славянского народа. Важными источниками данных по изучению кодов, «языков» традиционной культуры славян явились работы В.Н. Топорова [2], Н.И. Толстого и С.М. Толстой [3], Т.В. Цивьян [4].

Применение лингвокультурологического подхода в лингвистике дает возможность рассматривать представления людей об окружающей действительности в виде кодов культуры, большинство из которых универсальны, однако проявление, удельный вес каждого из них в определенной культуре всегда национально обусловлены [5]. Коды культуры структурируют и классифицируют знание о мире в соответствующие разделы или области.

Одним из способов языковой реализации различных кодов культуры являются собственные имена внутригородских объектов. Рассматривая понятия кода культуры,

А.М. Мезенко выделяет 8 кодов, объективирующихся в урбанонимии: топоморфный, антропоморфный, физико-

географический, флористический, фаунистический, эмоционально-характерологический, цветовой, температурный.

С учетом теоретических разработок А.М. Мезенко [6], В.В. Красных [5], С.М. Толстой [7] в системе отапеллятивных наименований внутригородских объектов славян выделяем следующие культурные коды:

- ландшафтный;
- топоморфный;
- антропоморфный;
- предметный;
- ботанический;
- зоологический;
- эмоционально-характерологический;
- идеологический.

Цель нашего исследования – анализ урбанонимов славян на материале отапеллятивных наименований, отражающих особенности внутригородского объекта по связи с человеком как социосубъектом, выявление особенностей их функционирования на современном этапе и установление комплекса кодов культуры, реализацией которых служат данные языковые единицы.

Материал и методы. Материалом исследования послужили отапеллятивные названия внутригородских объектов на территории Беларуси (Минск, Витебск, Брест), Польши (Варшава, Зелена Гура) и Болгарии (София, Пловдив). При анализе и статистической обработке материала были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный, а также элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. Все разнообразие современных славянских отапеллятивных урбанонимов, мотивированных особенностями внутригородского объекта по его связи с человеком как социосубъектом, можно разделить на следующие тематические группы:

1) наименования, отражающие особенности внутригородского объекта, явившиеся результатом материальной и духовной деятельности человека;

2) наименования по функциональной нагрузке объекта;

3) наименования, данные по профессиональной принадлежности жителей;

4) наименования, данные по сословной дифференциации жителей;

5) наименования, данные по национальной принадлежности жителей;

6) наименования по названиям лиц как определенной общности людей;

7) наименования, мотивированные лексемами военной и авиационной тематики.

Как показывает анализ языкового материала, в данных названиях объективируются топоморфный, предметный и антропоморфный коды культуры.

Топоморфный код культуры эксплицируется при помощи урбанонимов, указывающих на другой объект, относительно которого номинируется внутригородской. Это может быть:

1. Искусственный водный или сельскохозяйственный объект: *Садовая ул., Парковая ул., Полевая ул.; ul. Stawy* (ул. Пруды), *ul. Wygon, ul. Uroczysko* (ул. Урочище); *ул. Белата чешма* (ул. Белая чешма¹), *ул. Овощна градина* (ул. Овощной сад), *ул. Студен кладенец* (ул. Холодный колодец).

2. Объект производства: *Автозаводская ул., Фабричная ул., Промышленная ул.; Hodowlna ul.* (Животноводческая ул.), *Browarna ul.* (Пивоваренная ул.), *Cukrowicza ul.* (Сахароваренная ул.); *Промислена ул., Заводска ул., Леярна ул.* (Литейная ул.).

3. Гражданский объект, служба социальной сферы: *Клубный пр., Полиграфическая ул., Амбулаторная ул.; Bankowy pl.* (Банковая пл.), *Parkingowa ul.* (Парковочная ул.), *Kinowa ul.; Музейна ул., Болнична ул., ул. Стадион.*

4. Элемент устройства железнодорожной станции или транспортное предприятие: *Железнодорожная ул., Паровозный пер., Локомотивный пер.; Portowa ul., Szynowa ul., Sygnalowa ul.; ул. Локомотив, Семафорска ул.*

5. Учебное заведение: *Вузовский пер., Академическая ул.; Uniwersytecka ul.,*

Gimnazjalna ul.; Училищна ул., Институтска ул.

6. Архитектурный объект, существующий в настоящее время или существовавший ранее: *Замковая ул., Мельничный пер.; Pałacowa ul.* (Дворцовая ул.), *Ratuszowa ul., ul. Rotundy; ул. Крепост, ул. Старата воденица* (ул. Старая мельница), *ул. Руски паметник, ул. Маяк, ул. Каменно здание.* К указанной подгруппе примыкают также урбанонимы, мотивированные названиями мест совершения обряда: *Лютеранский сквер; Klasztorna ul., Kościelna ul.; Съборна ул., Манастирска ул.*

7. Торговый объект: *Магазинная ул.; Rynkowa ul.* (Рыночная ул.); *ул. Пазарище* (ул. Рынок).

В урбанонимах может быть отражена и функциональная нагрузка объектов: *Извозная ул., Сплавная ул., Проездной пер.; ul. Promenada* (ул. Прогулка), *pl. Defilad* (пл. Парад), *Przejazdowa ul.* (Переездная ул.); *Търговска ул., Разделна ул., Панайрен пл.* (Ярмарочная пл.).

Как отмечает В.В. Красных, между кодами культуры нет и не может быть жестких границ: пространственный код в значительной степени обуславливает временной, так как пространство и время тесно связаны в сознании человека; предметный код обнаруживает тесную связь с духовным кодом через социальные отношения [5].

Полученные данные свидетельствуют о том, что не каждое наименование происходит непосредственно от названий объектов материальной и духовной деятельности человека. В некоторых случаях довольно сложно определить мотив выбора названия. Так, например, название *Krochmalna ulica* в Варшаве происходит от наименования продукта или же от фабрики по его производству. Думается, что этот урбаноним образован от наименования продукта, который производит предприятие, расположенное в пределах данной улицы. Поэтому к группе урбанонимов, указывающих на другой объект, относительно которого номинируется внутригородской, правомерно будет отнести наименования, характери-

¹ Чешма – архитектурно оформленный источник с чистой водой.

зующие расположение улицы относительно объектов хозяйственной деятельности человека посредством названий продуктов производства. В данном случае наряду с топоморфным реализуется *предметный код культуры*, связанный с предметами, заполняющими пространство.

В белорусской и болгарской урбанонимных системах языковые единицы, отражающие расположение объектов материального производства через посредство названий продуктов деятельности, не получили распространения и представлены единичными примерами: *Нефтяная ул., Молочный пер., Парашютная ул., Ковровая ул., Кирпичный пер.; ул. Метал, ул. Витошки гранит, ул. Мрамор.*

Несколько иную ситуацию наблюдаем в польской урбанонимной системе. В конце XIX – начале XX века в Варшаве появилось довольно много наименований внутригородских объектов, мотивированных названиями природного сырья, которое перерабатывали на располагавшихся рядом предприятиях: *Naftowa ul.* (Нефтяная ул.), *Szklana ul.* (Стеклянная ул.). Наибольшее распространение подобные наименования получили в польской урбанонимии во второй половине XX в. и, как правило, символизируют собой материальные изделия рук человека. В большинстве случаев они имеют гнездовую локализацию и не располагаются рядом с объектами производства. [10, с. 301]. В частности, нами зафиксированы подгруппы урбанонимов, в основе которых находятся названия текстильных изделий (*Kretonowa ul., Welwetowa ul., Perkalowa ul., Sukienna ul.*), продуктов питания (*Herbaciana ul., Czekoladowa ul., Pivna ul.*), различных видов механизмов (*Komputerowa ul., Telefoniczna ul., Zegarowa ul.*), природного сырья (*ul. Jantar, Mosiężna ul., Topazowa ul.*), монет (*Dukatowa ul., Denarowa ul., Talarowa ul.*), сырья и полученной из него продукции (*ul. Celulozy, Ceramiczna ul., Fajansowa ul.*), транспортных средств и их частей (*ul. Kabrialetu, Dylizansowa ul.,*

Skuterowa ul., Kotwiczna ul., Macztowa ul.). При этом набор лексем, используемых при наименовании внутригородских объектов в разных славянских городах, заметно разнится. Такие слова предметной лексики, как, например, названия продуктов питания, текстильных изделий и т.п. широко применяются в польской урбанонимной системе. Тогда как в белорусском и болгарском топонимных текстах подобные лексемы используются прежде всего в ойкодомонимном поле (названия магазинов, клубов, мастерских, кафе и т.п.).

Условно к данной группе урбанонимов можно отнести и польские наименования, мотивирующей основой которых стали продукты духовного творчества (научные открытия, культура, искусство): «Большое количество таких названий образует тематическое скопление, особенно на территориях новых кварталов» [10, с. 309]. К анализируемой группе, на наш взгляд, примыкают названия улиц, в основе которых находятся апеллятивы, обозначающие понятия из области литературы (*ul. Kalambur, ul. Prozy, Elegijna ul.*), музыки (*Lutniowa ul., ul. Seranady, Korceniowa ul.*), науки (*ul. Cybernetyki, Kinezytyczna ul., Globusowa ul.*), спорта (*Tenisowa ul., ul. Batyty*), танцевального искусства (*ul. Samby, ul. Menueta, ul. Czaradza*); событий и праздников (*Weselna ul., ul. Wycieczka, Wakacyjna ul.*). Подобные наименования свидетельствуют о расширении круга лексики, вовлекаемой в западнославянскую урбанонимию.

Таким образом, в белорусском урбанонимиконе преобладают наименования, мотивированные названиями объектов, являющихся результатом материальной деятельности человека, а в болгарском – наименования, в основе которых названия искусственных водных и сельскохозяйственных объектов. Предметный код культуры в большей степени западноориентированный. В целом же данные способы кодирования прагматически маркированной информации тесно связаны и свойственны всем славянским

урбанонимным системам, однако проявляются с разной степенью интенсивности. Количество польских наименований, отражающих особенности внутригородского объекта, явившихся результатом материальной деятельности и духовного творчества человека, насчитывают 616 единиц (14,43%). Тогда как в восточно- и южнославянском урбанонимиконах они составляют 114 (4,18%) и 78 топонимных единиц (2,42%) соответственно.

Антропоморфный код культуры объективируется при помощи отопеллятивных урбанонимов, мотивирующей основой для которых стали наименования, связанные с профессиональной общностью жителей: *Шорная ул., Рымарская ул., Гончарная ул.; ul. Rybaki, Piekarska ul., Furmańska ul.; Абаджийска ул., Каменоделска ул., ул. Мелник*. Нередко подобные наименования давались внутригородскому объекту через посредство названия места, где проживали люди той или иной специальности. Однако в настоящее время данный тип названий не привязан к месту, а носит символический, абстрактный характер, то есть прямая номинация заменяется опосредованной: *Инженерная ул., б-р Тракторостроителей,*

ул. Космонавтов; Nauczycielska ul., ul. Stoczniowców (ул. Судостроителей), *ul. Kosarzy* (ул. Косари); *ул. Миньор* (ул. Шахтер), *пл. Журналист, Градинарска ул.* (Садовничья ул.). В частности, в белорусском урбанонимиконе подобные наименования появились в советское время и лишь формально мотивированы названиями лиц по роду деятельности. Действительно, специфические черты культуры, природы, климата и т.д. накладывают «особый индивидуализирующий отпечаток на ономастику любого народа, придавая неповторимость ее спектру» [9, с. 18]. Так, например, рассматривая мотивирующие основы белорусских внутригородских топонимов, данных по названиям лиц как определенной общности людей, выделим наименования, явившиеся своеобразными посвящениями в честь различных рабо-

чих специальностей: *ул. Строителей, ул. Энергетиков, ул. Монтажников*. Исконные наименования по ремеслу жителей практически не сохранились. Объяснения этому нужно искать в экстралингвистической сфере: после революции 1917 г. абсолютное большинство названий по профессиональной, сословной и национальной дифференциации жителей были заменены. Наряду с реализацией основного значения подобные урбанонимы давали возможность вносить идеологическую мотивировку – прославлять человека труда. Следовательно, антропоморфный и духовный коды культуры оказали значительное влияние на белорусские урбанонимы, образованные с ориентацией на определенные социально-политические реалии советского периода.

Примечательно, что в некоторых восточнославянских урбанонимиконах сохранились многие исконные максимально конкретные наименования, которые давались внутригородскому объекту через посредство названия слободы, где проживали люди той или иной специальности. Так, например, анализируемая группа урбанонимов широко представлена в современной системе внутригородских названий Москвы: *Столешников пер., Гончарная наб., Колпачный пер., Кожевническая ул., Боярский пер.* и т.д. Несмотря на то, что подобные улицы уже не несут в себе информации о профессии живущих на них горожан, их названия связаны с историей и культурными традициями населения города.

У западных славян до настоящего времени сохранилось незначительное количество исконных названий по ремеслу (*Szewska ul.*, 1790 г.; *Garbarska ul.*, 1770 г.; *Piekarska ul.*, 1416 г.) и по принадлежности жителей

к определенному монашескому ордену (*Jezuicka ul., Karmelicka ul., Kapucyńska ul.*). Польский исследователь К. Хандке отмечает, что в варшавском урбанонимиконе подобные наименования появились в XV в., а дальнейшее увеличение их численности связано прежде всего с расселением монашеских сообществ. Однако в не-

которых случаях довольно сложно определить, что легло в основу внутригородского названия: наименование ордена или же монастыря [10, с. 291].

У южных славян названия по отношению к профессиональной принадлежности лиц, немногочисленны (25 единиц) и мотивированы прежде всего традиционными видами деятельности болгар: *Каменоделска ул.*, *Грънчарска ул.*, *Златарска ул.*, *Лозарска ул.* Например, *Медникарска* и *Резбарска* улицы получили свое название в честь ремесел медников¹ и мастеров резьбы по дереву.

Признак, характеризующий принадлежность людей к определенной общности, с определенной долей условности можно усмотреть и в небольшой группе наименований, фиксирующих отношение к тем или иным лицам. В белорусском урбанонимном тексте подобные названия мотивируются именованиями людей по возрасту, половой принадлежности

(*1-й Детский пер.*, *Юношеская ул.*), участию в общественных организациях (*Кооперативная пер.*, *Профсоюзная ул.*); указывают на разнообразные общности людей (*ул. Основателей*, *ул. Новоселов*, *пр. Победителей*). Своеобразными посвящениями в честь различных объединений лиц стали польские наименования, появившиеся и распространившиеся во второй половине XX в.: *ул. Poetów*, *ул. Poległych*, *Piłkarska ul.* (Футбольная ул.). Так, подобные урбанонимы могут быть мотивированы наименованиями:

– спортсменов и болельщиков: *Bokserska ul.*, *ул. Kibiców*;

– музыкантов: *ул. Organistów*, *ул. Pianistów*;

– деятелей литературы: *ул. Drukarzy*, *ул. Poetów*;

– науки: *ул. Astronomów*, *ул. Fizyków*;

– деятелей театрального и циркового искусства: *Aktorska ul.*, *Kuglarska ul.* (Жонглерская ул.);

– административных должностей прошлого: *Wójtowska ul.*², *Kasztelański pl.*³;

– разнообразных символических общностей людей: *ул. Melomanów*, *ул. Humanistów*, *ал. Przyjaciół* (аллея Друзей), *ул. Optymistów*.

В целом для польской урбанонимной системы свойственно преобладание наименований с нейтральной общественно-политической окраской, мотивированных сообществами людей по самым разнообразным признакам: *ул. Wozniowdy* (ул. Водовоза), *ул. Skazanców* (ул. Заключенных), *Panieńska ul.* (Девичья ул.), *ул. Piechurów* (ул. Пешеходов), *ул. Humanistów* (ул. Гуманистов).

В болгарской урбанонимной системе к анализируемой группе, на наш взгляд, могут быть отнесены названия внутригородских объектов, в основе которых находятся общности людей по их связи с революционными, военными движениями:

ул. Народни будители, *ул. Хайдуты*⁴, *ул. Въстаник*. Отметим, что если в белорусской и польской урбанонимных системах проприальная часть наименований данной группы включает апеллятив в родительном падеже множественного числа (*ул. Декабристов*, *ул. Urbanistów*), то в болгарском урбанонимиконе – в форме единственного числа, т.е. формально деноат индивидуализируется (*ул. Софийски герой*, *ул. Бунтовник*).

Антропоморфный код культуры может объективироваться и при помощи урбанонимов, мотивированных разнообразными лексемами военной и авиационной тематики. В белорусском урбанонимиконе

¹ **Медник** – это одна из древнейших профессий человека, связанная с обработкой металлов, и насчитывает тысячелетнюю историю. Название медник происходит от слова медь.

² **Войт** – в городах Беларуси, Литвы, Польши и Украины, основанных по магдебургскому праву, в XV–XVIII веках выбираемое (обычно из зажиточного населения) служебное лицо, которое возглавляло магистрат.

³ **Каштелян** – должность в Польше и Великом княжестве Литовском. В средневековой Польше должность появилась в XII веке. Каштеляны принимали участие в заседаниях польского королевского совета.

⁴ **Хайдуты, гайдуки** – вооруженные повстанцы, боровшиеся против османского национального гнета на Балканах.

не отмечены названия, в основе которых находятся: а) наименования лиц, находящихся на военной службе (*ул. Артиллеристов, ул. Саперов, ул. Связистов*); б) наименования лиц, управляющих летательными аппаратами (*б-р Авиаторов, Пилотская ул.*); в) названия воинских частей (*Гвардейская ул.*); г) названия участников военных движений (*Партизанская ул., ул. Воинов-Интернационалистов*).

В исследованном польском урбанонимном тексте зарегистрированы внутригородские объекты, при номинации которых используются: а) военноморские звания и профессии, связанные с авиацией (*Rotmistrzowska ul., Bosmańska ul., Lotników*); б) названия воинских частей (*pl. Gwardii, Piechotki ul., ul. Husarii*); в) наименования лиц, находящихся на военной службе (*Patrolowa ul., ul. Bombardierów, Oficerska ul.*). В связи с тем, что зачастую польским наименованиям свойственна гнездовая локализация, мы включили в эту группу и названия, в основе которых находятся наименования оружия, летательных аппаратов (*ul. Karabeli, Armatnia ul., Samolotowa ul., ul. Śmigłowca*). В данных ономастических единицах наряду с антропоморфным объективируется предметный код культуры.

В болгарском урбанонимном тексте в данную группу внутригородских наименований входят названия, которые выступают в качестве своеобразных посвящений в честь участников борьбы за независимость Болгарии: *ул. Народолюбец, ул. Руски воин, ул. Хайдуты, ул. Народен певец, ул. Млада гвардия, ул. Балкански воин*.

В целом отличительной чертой южнославянской урбанонимии является количественное доминирование урбанонимов, в основе которых названия символических объединений лиц по их связи с революционно-освободительным движением. Подобные наименования образованы с ориентацией на определенные исторические события: борьбу болгарского народа за независимость страны во время русско-турецких войн.

Рассматривая антропоморфный код культуры, отметим названия, связанные с национальной и сословной дифференциацией жителей. Ранее существовала практика заселения определенных внутригородских объектов людьми одной национальности. В таком случае национальность жителей давала название улице. В польском городском топонимиконе зафиксировано 42 названия по национальной принадлежности: *Włoska ul., Grecka ul., Turecka ul.* Однако в некоторых случаях затруднительно определить мотив выбора наименования внутригородского объекта. Например, такие названия улиц Варшавы, как *Francuska, Szwedzka* могут иметь отношение к национальности (французы, шведы) и к государству (Франция, Швеция).

В Беларуси в результате многочисленных переименований подобные названия практически не сохранились. В 1934 г. в Минске, например, происходит переименование всех объектов, связанных с национальными меньшинствами: *Еврейская улица* становится *Коллекторной*, *Большая Татарская – улицей Димитрова*, *Малая Татарская* превращается в *улицу Колхозную*, *Китайская* – в *Беломорскую*, *Турецкая* – в *Восточную*. В настоящее время восстановлено только название *Татарская улица*. В болгарском урбанонимном тексте наименования по национальной принадлежности также представлены единичными примерами: *Казашка ул., Татарска ул., Руски булевард*.

Сословная расслоенность населения нашла отражение в польской и болгарской урбанонимии: *Królewska ul., Wieśniacza ul.* (Крестьянская ул.), *Ziemiańska ul.* (Помещичья ул.); *Княжеска ул., ул. Войвода, ул. Комините*¹. Для белорусской урбанонимии наименования, связанные с сословной дифференциацией жителей, нехарактерны. Однако в прошлые эпохи они существовали.

¹ **Комиты** – римские (а затем византийские) должностные лица, впоследствии благородное сословие.

Так, по данным А.М. Мезенко, в XVI в. в Могилеве зарегистрирована *ulica Bojarska*, в XVII в. в Кругеле – *ulica Popowska* [8, с. 113]. Отметим, что исконные наименования по сословной дифференциации и профессиям жителей не отражают современный урбанонимный контекст, однако они опираются на историко-культурные основания и являются своеобразными памятниками своей эпохи.

Анализ языкового материала позволил выявить антропоморфный код культуры во всех исследованных урбанонимных системах, однако наибольший процент наименований (около 8%), соответствующих данному коду, приходится на польский урбанонимикон. В Беларуси и Болгарии таким названиям принадлежит немногим более 6% от общего количества урбанонимов.

Заключение. Собственные имена внутригородских объектов зависят от исторического периода и создаются в соответствии с культурно-историческим, идейно-политическим и эстетическим контекстами жизни социума.

Сопоставление основ, использовавшихся при образовании урбанонимов Беларуси, Болгарии и Польши, обнаруживает много общего в их отборе. Типологическое сходство основ наименований определяется общностью исходных критериев, на которых они базируются. Это «отношение человека к внешней среде, параллелизм форм мышления и восприятия, характер мировоззрения» [9, с. 9]. В частности, во всех трех странах значительное количество наименований мотивировано словами, связанными с человеком как социосубъектом, его материальной и духовной деятельностью. В болгарском урбанонимном тексте на долю подобных названий приходится 6,16%, в белорусском – 7,76% от общего количества исследованных наименований. Что же касается польской городской топонимии, то здесь урбанонимы данного типа преобладают не только в количественном, но и в качественном отношении за счет расширения арсенала мотивировочных сем и составляют 21,75%. В целом же во всех трех странах наибольшей продуктивностью обладают наиме-

нования, с помощью которых объективируется топоморфный код культуры. И это неслучайно. Главная функция внутригородского объекта – адресная: «Урбанонимия служит объективации таких понятий, как линейный, территориальный, точечный внутригородской объект, прагматическая значимость и др., что имеет отношение к культурно маркированному концепту “адрес”» [6, с. 391]. В свете данного ориентирующего критерия названия, указывающие на другой объект, относительно которого номинировался внутригородской, являются удачными с точки зрения мотива выбора наименования.

Таким образом, группы лексем, участвующие в формировании отапеллятивных урбанонимов, отражающие особенности внутригородского объекта по связи с человеком как социосубъектом, в целом универсальны, однако доля их участия в урбанонимной системе каждой страны в отдельности не совпадает. Качественные и количественные расхождения в использовании нарицательных слов определенной семантики при создании урбанонимов обусловлены языковыми и национально-культурными различиями социумов.

В заключение подчеркнем, что урбанонимы как особый вид культурно и прагматически маркированной информации представляют собой языковую реализацию кодов культуры. В связи с тем, что история становления и развития собственных имен во многом определяется культурой народа, создавшего их, в зонах с близкими традициями – белорусской, польской и болгарской, могут проявляться общие коды культуры. Результаты исследования показали, что в славянской урбанонимной системе коды культуры соотносятся с представлениями человека об окружающем мире и реализуются не только в старинных урбанонимах, но и в современных, базирующихся

на историко-культурных основаниях, но и в новых урбанонимах, образованных с ориентацией на реалии своего времени.

Литература

1. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. / Г.М. Мезенка. – Віцебск: УА “ВДУ імя Машэрава”, 2008. – Ч. 1. – 363 с.
2. Топоров, В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период / В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
3. Словарь «Славянские древности»: в 4 т. / редкол.: Н.И. Толстой (гл. ред.) [и др.]. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 4.
4. Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1990. – 210 с.
5. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
6. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24(63). – № 2. – Ч. 1. – С. 388–392.
7. Толстая, С.М. К понятию культурных кодов / С.М. Толстая // Славянская этнолингвистика [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://ethnolinguistica-slavica.org>. – Дата доступа: 20.02.2012.
8. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
9. Суперанская, А.В. К проблеме типологии антропонимических основ / А.В. Суперанская // Ономастика. Типология. Стратиграфия: науч. тр. / АН СССР, Ин-т языкознания; под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1988. – С. 8–19.
10. Handke, K. Słownik nazewnictwa Warszawy / K. Handke. – Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1998. – 428 s.

Поступила в редакцию 29.02.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.